

ТРАНСГУМАНИЗМ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФАНТАСТИКИ: ОТ СКАЛЬПЕЛЯ ХИРУРГА К ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

Гуларян А.Б.¹, Першуков В.Н.², Третьяков О.В.³

¹Орловский государственный аграрный университет,
кафедра гуманитарных дисциплин, доцент.

²Академия ФСО России, сотрудник.

³Академия ФСО России, сотрудник.

Проблема обретения личного бессмертия и изменения человеческой природы всегда волновала не только ученых, но и писателей. Последние вдохновенно описывали возможности, которые открывает трансформация человеческого организма. Провозвестником нового жанра можно считать еще Герберта Уэллса с его «Островом доктора Моро». В отечественной литературе вопрос об усовершенствовании человеческой природы (при помощи скальпеля хирурга) впервые был поднят в 1920-е гг. (М. Булгаков, А. Беляев, Б. Фортунатов). С новой силой интерес к проблематике трансгуманизма проявился в отечественной фантастике на рубеже XX-XXI вв. Отечественная фантастическая литература отражает генеративную ситуацию современного трансгуманизма, показывает системообразующую роль генетики, медицинских и информационно-телекоммуникационных технологий в процессе его развития. И в 1920-е и в 2010-е годы литературные сюжеты сходятся в одном: последствия вмешательства в человеческую природу непредсказуемы, развитие высоких технологий продуцирует появление новых факторов риска для человека и общества.

Ключевые слова: трансгуманизм, фантастическая литература, медицина, генетика, информационно-телекоммуникационные технологии, философия науки и техники.

Проблема трансгуманизма онтологична, поскольку связана с осознанием человеком конечности своего бытия, а с некоторых пор – и с осознанием возможной конечности существования *Homo sapiens* как вида. Религиозное утешение и философская компенсация зачастую не дают желаемого результата. Исцеление от страха смерти творчеством тоже, как оказалось, доступно не для всех. Всё это порождает агрессию против собственной смертной человеческой природы, её отрицание, желание (и попытку) преодолеть её ограниченность и смертность. То есть порождает идею трансгуманизма.

Философия Просвещения и наука Нового и новейшего времени превратили мечту об «улучшении» человеческого тела в технологическое задание. «Какой плохой оптик Господь Бог! Я бы построил глаз гораздо лучше!» – заявил известный ученый XIX века Герман Гельмгольц. В этих словах – не только необоснованная с христианской точки зрения гордыня, но и установка – превзойти природу или Бога, сконструировать для человека новое, более совершенное тело.

Исследование восприятия идеи трансгуманизма в современном общественном сознании (не только как

отражения действительности, но и как возможной её реорганизации, практического приспособления человека к миру) крайне затруднено социокультурным контекстом постновойшей познавательной ситуации. Взрывоподобный рост объёма общедоступной информации, владение и распространение которой в условиях информационно-телекоммуникационной революции становится движущей силой развития общества, порождает ряд проблем:

- необходимость осваивать и перерабатывать всё большие объёмы информации во всё более короткие сроки;

- обеспечение достоверности информации (невольную или преднамеренную дезинформацию современные средства инфокоммуникации мгновенно распространяют среди практически неограниченной аудитории);

- неоднозначная роль экспертов и аналитиков, которые не всегда могут, а зачастую изначально не расположены верифицировать подлинность фактов и событий;

- слухи и домыслы возникают не только из-за нехватки информации, но и из-за того, что информации слишком много, и она не складывается в единую картину.

В этих условиях вырастает ценность источников, способных отражать ментальность эпохи, доносить до нас матрицы общественного сознания. В первую очередь речь идет о произведениях литературы, каж-

дое из которых, как подчеркивал Л.Н. Гумилев, «может быть историческим источником, но не в смысле буквального восприятия его фабулы, а само по себе, как факт, знаменующий идеи и мотивы эпохи. Содержанием такого факта является его смысл, направленность и настроенность, причем, вымысел играет роль обязательного приема» [8].

Фантастическая литература поставила проблему трансгуманизма за несколько десятилетий до работ Дж. Хаксли, Р. Эттингера, Э. Купера, А. Тьюринга и Дж. фон Неймана.

В 1896 году вышел роман Герберта Уэллса «Остров доктора Моро» [18; 83-190.]. И хотя объектами экспериментов ученого-вивисектора в романе выступают не люди, а животные (кстати, главный герой, от имени которого ведется рассказ, Чарльз Прендик первоначально делает совершенно противоположный вывод о том, что Моро превращает людей в зверей), проблема трансформации одного существа в другое была поставлена, нравственная оценка дана, последствия описаны. В другом известном романе, «Первые люди на Луне» (1901) Уэллс описал общество селенитов как социум специализированных особей, приспособленных для определённого вида деятельности [19]. При этом изначально селениты рождаются одинаковыми, универсальными. Специализацию они получают в процессе «подготовки», включающей в себя и физическую трансформацию тела под цели будущей профессии. Герберт Уэллс поднял проблему хи-

ругической трансформации живого организма и дал ей крайне негативную оценку с точки зрения традиционной морали. Но джин уже был выпущен из бутылки.

Русская революция воспринималась современниками как прорыв в абсолютное будущее. И не только в социальном плане, но и в искусстве, в науке. Что при ослаблении сдерживающих нравственных начал приводило к постановке самых дерзких и неоднозначных научных экспериментов. В первые десятилетия XX века в России были сделаны великие открытия в самых разных областях медицины. И.П. Павлов обосновал законы высшей нервной деятельности. И.И. Мечников стал основателем сравнительной эволюционной эмбриологии и иммунологии. Л.А. Зильбер заложил основы теории иммунологии рака. Н.К. Кольцов сформулировал понятие молекулярной наследственности. В.М. Бехтерев положил начало развитию в России учения о функции мозга. Российский хирург В. П. Демихов впервые в мире начал пересадку органов.

Под влиянием этих успехов в отечественной фантастической литературе возникает жанр, который можно условно назвать «медицинским трансгуманизмом», герои которого, ученые и врачи, работают в своих лабораториях над усовершенствованием «несовершенной» человеческой природы. Пафос этих произведений – скальпель хирурга может всё. Хотя по-

следствия описанных в повестях «усовершенствований» не всегда однозначны.

Сюда можно отнести «Собачье сердце» Михаила Булгакова (1925, 1968) [5; 3-94], «Голову профессора Доуэля» (1925) [1; 171-335], «Человека-амфибию» (1928) [2;7-204] и «Ариэля» (1941) [3;195-398] Александра Беляева, «Остров гориллоидов» (1929) Бориса Фортунатова (опубликованный под псевдонимом Б. Туров) [21]. И если произведения Булгакова и Беляева давно стали хрестоматийными, их сюжет хорошо всем известен по изданиям и экранизациям, о романе Фортунатова¹ нужно сказать несколько слов. В нем рассказывается о событиях во французской колониальной Африке, где в результате генетических экспериментов создается армия из «солдат будущего» – «очеловеченных» обезьян. Накачанные спиртом, вооруженные винтовками, неуправляемые человекозвери вырываются с острова и разносят в щепки Тропический институт².

¹ Биография данного автора читается как авантюрный исторический роман: Б. Фортунатов в молодости участвовал в революции 1905 года (в том числе в баррикадных боях на Пресне), воевал на фронтах Первой мировой и Гражданской войн (в войсках Каппеля – за белых, в войсках Будённого – за красных). В 1920-е годы известный селекционер профессор Фортунатов путем долгой работы возродил для нашей страны утраченных зубров [13].

² Заметим, что поднятая впервые в романе Б. Фортунатова тема «обезьяночеловека с винтовкой» получила широкое распространение как в литературе, так и в компьютерных играх (например, в известном научно-фантастическом шутере Far Cry).

Сюжет повести Фортунатова очень похож на сюжет опубликованной в 1963 году повести «Глиняный бог» Анатолия Днепровы [11; 3-95]: в обоих случаях молодой ученый принимает предложение поработать в закрытом институте в Африке (у Фортунатова это наш соотечественник Андрей Ильин, у Днепровы француз Пьер Мюрдаль). Поработав в институте, оба ученых сталкиваются с тайной и, пытаясь раскрыть ее, разоблачают заговор (в первом случае французских империалистов, во втором – беглых нацистов) против человечества. В повести Фортунатова беспринципные французские ученые Кромье и Кроз, украв открытие русского профессора А.Г. Идаева (учителя Ильина) – метод скрещивания человека с гориллой – создают и обучают в джунглях Африки армию гориллоидов – гибридов людей и горилл. В повести Днепровы нацистский преступник Граубер пытается вывести новую породу кремниевых людей, продолжив в Сахаре опыты, начатые еще в концлагерях. Узнав всю подноготную, главные герои обеих повестей решаются на отчаянную диверсию: Андрей Ильин убеждает зрителя гориллоидов, капитана Ленуара, поощрять подопечных алкоголем. В результате человекозвери выходят из повиновения. Пьер Мюрдаль подает в систему, из которой пьют кремнийорганические люди, вместо щелочи воду – смертельный для них яд.

Сюжеты всех перечисленных произведений были навеяны реальными опытами ученых-медиков. Про-

тотипами профессора Преображенского в повести М. Булгакова литературоведы называют хирурга С.А. Воронова, который проводил (правда, не в Москве, а в Париже) операции по пересадке яичников обезьян женщинам [12]. В основу рассказа о профессоре Дуэле и его страшном посмертии легли реальные опыты советских ученых С.И. Чечулина и С.С. Брюхоненко с «изолированной» головой собаки; в основу сюжета об Ихтиандре – история реально существовавшего в Латинской Америке профессора Сальватора, ставившего эксперименты на детях индейцев по увеличению гибкости суставов [7]. В сюжете о гориллоидах Фортунатов использовал идеи своего коллеги И.И. Иванова, который первым в мире вывел межвидовые гибриды, скрестив зебру и осла, зубра и домашнюю корову, кролика и зайца, и мечтал получить путем межвидового скрещивания гибрид человека и обезьяны [15].

Но писатели не просто описывали фантастические свершения гениальных ученых. Они задумывались о последствиях этих свершений – нравственных и социальных. А последствия оказываются в основном негативные. Вот Полиграф Шариков, своим существованием опровергающий математическую аксиому, что «минус на минус дает плюс». Оказалось, что если простой дворняге пересадить гипофиз люмпена, то высокодуховное существо из него не получится. И вот уже Швондер науськивает Шарикова на профессора Преображенского. Вот холодный циник и делец

Керн, укравший открытие Доуэля, а заодно и его голову. Профессор Сальватор, оказавшийся беспомощным перед коварным олицетворением капиталистической системы – Педро Зуритой.

Однако в целом описанным произведениям присущи своеобразные позитивистские энтузиазм и оптимизм, постулирующие мистическую роль науки в новом обществе. Профессору Преображенскому удалось обратить Шарикова обратно в собаку и нейтрализовать Швондера. У Александра Беяева всё мрачно, здесь ученому гению противостоит не только конкретный злодей, но и капиталистическая система. Но к летающему человеку Ариэлю из одноименного романа не пристала никакая грязь, это мечта, высокая мечта самого Александра Беяева, да и всего человечества. И веселый московский профессор Вагнер, «человек, который не спит», без всяких негативных последствий извлекает из тела своего погибшего ассистента мозг и пересаживает его потом в тело слона (рассказы «Амба» и «Хойти-Тойти» [4;328-430]).

В этом отношении в определенной степени особняком стоят произведения Б. Фортунатова и А. Днепра, направленные на разоблачение империалистов, готовых использовать в преступных целях любое научное открытие.

Однако медицинские технологии первой половины XX века оказались недостаточно изощренными для совершения описанной писателями-фантастами

трансгуманистической революции, и интерес к этой проблеме в обществе и в литературе постепенно угас.

Интерес к проблемам трансгуманизма возобновился в наши дни, и это напрямую связано с переживаемым человечеством системным кризисом. В настоящее время решается вопрос, будет ли существовать человечество как вид.

Мир окончательно превратился в закрытую систему. В начале XX века он закрылся географически: все территории были разделены между великими державами, и началась борьба за передел мира. В 60-е годы XX века человечество вышло в космос, но так и не освоило Сахару и Антарктиду. На достигнутом уровне технического развития это оказалось экономически невыгодно. В 90-х годах XX века мир закрылся идеологически: с развалом СССР идеологическое противостояние ушло в прошлое, что даже позволило Фрэнсису Фукуяме манифестировать конец истории. В настоящее время мы являемся свидетелями исчерпания возможности экстенсивного развития, достижения тех самых «пределов роста» современной экономической мир-системы, о которых еще сорок лет назад говорили эксперты Римского клуба. Мир замкнулся экономически, но мало кто это осознал, поскольку это нерадостное событие совпало с глобальным экономическим кризисом «кондратьевско-го» цикла.

В сложившихся обстоятельствах просматриваются два варианта выхода из положения. Во-первых, огра-

ничество человеческих потребностей до разумного уровня. Во-вторых, присвоение силовым путем одной страной (или группой стран) ресурсов всего человечества с последующим эгоистическим их потреблением без оглядки на собратьев по планете.

Крайним вариантом второго пути является политика современных «неоконов», выдвинувших сначала теорию «управляемого хаоса», а сейчас упорно пытающихся тем или иным способом спровоцировать «большую» войну, которая, практически по Мальтусу, должна оставить на Земле «оптимальное» количество людей. Мало кто осознаёт, что при реализации подобного сценария озвученные для успокоения западных обывателей теории «золотого миллиарда» и «бриллиантового миллиона» превращаются в то, чем они были с самого начала – в сотрясение воздуха. В большой войне выборка уцелевших определится чисто стохастически: кто выжил, тот и выжил. Но именно так всё будет сделано, чтобы человечество выжило и избежало «генетического шторма» (подобного описанному у братьев Стругацких в «Жуке в муравейнике»).

Другим важным индикатором наступающих в социуме изменений стала дискуссия по проблеме эвтаназии. Оказывается, врач не обязан бороться за пациента до конца, как приписывает ему клятва Гиппократа. Теперь утверждается, что человек волен сам выбирать момент ухода из жизни, и бороться за его жизнь до последней возможности не обязательно.

Раньше человек воспринимался как ценность, как производительная сила общества, которой следует дорожить. В эпоху Античности раб был ценным имуществом. Платон писал, что война с варварами ведется для того, чтобы получать рабов³. К нему присоединяется в своей «Политике» Аристотель, который считает войну дозволительной только для обороны государства и приобретения рабов из варварских земель. Ниже он пишет, что гражданин должен быть свободен от физического труда и иметь трех рабов. После чего пускается в рассуждение о собственности на раба и праве собственности вообще. В Средние века в Европе (и особенно во Франции) сложилась поговорка «Нет земли без господина». Но земля без крестьян не имела ценности, поэтому была установлена такая система крепостничества, по сравнению с которой наше «Соборное уложение» 1649 года выглядит как образец цивилизованности и просвещения.

При капитализме человек воспринимался как производитель прибавочной стоимости, что и зафиксировано в фундаментальной работе Карла Маркса «Капитал». Но сейчас в обществе подспудно формируется мнение, что человек не производитель материальных и духовных ценностей, а потребитель ресурсов, количество которых в мире убывает. Человек не яв-

³ Платон, как известно, разделял военные действия на «домашний спор» между самими эллинами и «войну» против варварского мира. В первом случае продажа пленных в рабство не допускается. Во втором – все пленники обращаются в рабов. [17; 279]

ляется сейчас, по Марксу, производителем, в котором «нуждаются многие», он конкурент за обладание ресурсами. Эта тенденция уже утвердилась на Западе в виде идеологемы, и поделаться с этим ничего нельзя.

Стремительно меняется структура социального управления. Если раньше управление осуществлялось face-to-face, пусть даже лица были разнесены в пространстве на многие километры: телефон и телеграф обеспечивали информационную связность обществу. Сейчас управление социумом осуществляется обезличенной информацией в социальных сетях. Человек и группы людей начинают действовать на основе информации, полученной из Интернета. Именно анонимная, обезличенная информация из социальных сетей стала спусковым крючком для начала пресловутых «цветных революций».

Информатизация управления выражается в следующих тенденциях:

- широкое распространение high-tech технологий (компьютерных сетей, It-телефонии, мультимедиа);
- быстрое развитие high-hum технологий («высокие» гуманитарные технологии и технологии манипуляции сознанием);
- синтез технологий high-tech и high-hum.

Для простых людей эти технологии предусматривают несанкционированные и непросчитанные изменения организма в духе упомянутого выше стохастического выживания во избежание «генетического шторма» и вырождения популяции. К этому ведёт,

прежде всего, использование ГМО в продуктах питания.

Во всем мире развернута широкая кампания против ГМО. Постоянно появляются публикации, что ГМО являются причиной бесплодия, онкологии, разрушения иммунитета, аллергии и многих других заболеваний. Тем не менее, ГМО производятся, а продукция, содержащая генно-модифицированные источники, широко распространяется. Так, по подсчетам Международной организации производителей продуктов и сельского хозяйства при ООН, на российском рынке сейчас присутствует 52 наименования продуктов, содержащих более 5 процентов ГМО, но не промаркированных. Это, прежде всего, мясные продукты – сосиски и вареная колбаса, содержащие порой более 80 процентов трансгенной сои. Всего же в России зарегистрировано более 120 наименований (марок) продуктов с ГМО, согласно данным добровольной регистрации и специальному реестру продуктов, импортируемых из-за рубежа [22].

Оценить происходящее вокруг ГМО можно следующим образом. Если начать информационную шумиху вокруг какой-либо ситуации, но никаких позитивных изменений в самой ситуации происходить не будет, более того, рядовой человек не сможет на эту ситуацию повлиять, то очень скоро человеческое сознание устанет от этой шумихи и переведет ее в разряд «белого шума», перестает замечать. Так произошло, например, с гремящей в 1980-1990-е годы эко-

логической проблемой, которая сегодня затерта и нивелирована до уровня «проблем» Бермудского треугольника, НЛО и Палеоконтакта и «всплывает» только тогда, когда на планете происходит очередная масштабная экологическая катастрофа. То есть тема ГМО скоро должна превратиться в нечто привычное, обыденное, затертое до неразличимости. И только после этого ГМО начнет действительно широко внедряться в наше питание. Это работают high-hum технологии по манипуляции сознанием. В то же время практически вся еда в магазинах уже содержит ГМО. Некоторые ученые прямо говорят, что при потреблении ГМО в человеческом организме начинаются мутации. А это уже отработка технологии по изменению человеческой природы в варианте «стохастического» выживания.

Для элиты же будет предложена евгеника и трансгуманистическая трансформация тела на чисто экономической основе: позитивные изменения организма для тех, кто сможет купить себе здоровье и долголетие.

При этом указанные альтернативы существуют по Гегелю, в единстве и взаимной борьбе.

В описываемых условиях человек уже сейчас подвергается незаметным для себя изменениям собственной природы. Наша человеческая сущность – и физическая, и духовная – уже не может считаться прежней. Мы сами на замечаем, что вползаем в трансгуманизм. То, что «овечка Долли была злой и рано умер-

ла», а в 1998 году по инициативе ООН был введен запрет на клонирование человека⁴, и подобный же запрет наложен в ведущих странах мира (США, Франция, Германия, Бразилия, Великобритания, Япония, Россия), служит нам слабым утешением.

Проблема целенаправленного изменения человеческой природы широко освещена в современной фантастической литературе. На Западе провозвестником генномодифицированного будущего человечества стал Пол Ди Филиппо с его сборником «Рибофанк», вышедшем в 1996 году [20]. Сборник представляет собой тринадцать зарисовок мира будущего, мира биотехнологий и трансгенных изменений. Людские тела в этом мире модифицированы самым разнообразным способом с помощью генной инженерии, и все рассказы сборника построены на основе возникающих вокруг генной модификации коллизий. «Рибофанк» получил заслуженное признание и у себя на родине, и в нашей стране – об этом говорит литературная премия «Лучшая зарубежная фантастика» от журнала «Мир фантастики» в 2005 году.

В нашей стране эту тему впервые поднял в середине XX века Анатолий Днепров. На рубеже XX-XXI вв. её развивает Сергей Лукьяненко в романе «Геном» [14], давшем название одноимённой трилогии. В романе описан мир генетически изменённого челове-

⁴ Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ.

ства. Генные операции стали повседневностью, из человеческого генома выжимают всё, что он способен дать: защиту от радиации, сверх-реакцию, сверх-силу, сверх-память... Изменив свой геном, ты можешь стать специалистом в одной конкретной области: бойцом-спец или гейшей-спец, пилотом-спец или навигатором-спец, шпионом-спец или детективом-спец и так далее. И вот поднимают в небо космические корабли пилоты-спец, идеально приспособленные к вождению кораблей, находящие в этом и смысл жизни, и ментальное удовольствие, но не способные любить близких людей.

В фантастическом мире «Генома» евгеническая практика дополняется «включением» человека в компьютерные системы: пилоты-спец управляют космическими кораблями в режиме виртуальной реальности, подключенные через нейроинтерфейсы к системам космического корабля люди - «расчётчики» решают задачи гиперпространственной навигации, технология нейрошунтирования соединяет мозг человека с компьютером⁵.

Тему генетически изменённого человечества развили Ярослав Веров и Игорь Минаков в своей повести «Ключ к свободе» (2010) [6]. Это произведение

⁵ В созданном С. Лукьяненко мире чиновницами и бухгалтерами являются «женщины с венчиком проводов из виска», «паучихи, прижившиеся на бескрайней сети данных». В последней книге трилогии нейрошунтирование все более заменяется прямым контактом с компьютером генетически модифицированного головного мозга человека.

нельзя назвать творческой удачей талантливых авторов: главная идея произведения потерялась за формой подачи, которая была атрибутирована под сказку о Буратино.

Перед нами очень страшный мир, мир гальванизированных мертвецов-дроидов, которые находятся в услужении у еще живых людей, которые, в свою очередь, прекрасно понимают, что их судьба – стать такими же гальванизированными бессмертными мертвецами. То есть перед нами произведение в стиле «Рибофанка» Пола Ди Филиппо. Причем абсолютно русское. Ярослав Веров не был бы самим собой, если бы не заложил в повесть христианских мотивов Воздаяния и Исхода. Потому что дроиды получаются не из каждого мертвеца, а только прошедшего множество генно-инженерных модификаций. То есть из представителя местной элиты. Получается своеобразная справедливость – кто всю жизнь жил в праздности и питался чужим трудом – работает после смерти. А рядовые люди, наработавшиеся при жизни, но лишённые доступа к генной модификации, обретают вечное упокоение в топке крематория. Такая получилась у авторов по-своему пересказанная притча о богаче и Лазаре, встретившихся на том свете.

Сюжет повести состоит в том, что в городе Дейтройт-2 подпольный генетик Карло, по кличке Шарманщик, при поддержке сенатора Джузеппе создает нового человека, разумеется, Буратино, с дополнительной третьей спиралью ДНК. После знакомых

всем по сказке Толстого приключений, в которых участвуют вольнопрактикующий генетик Карр О'Бас, бывшая спецназовка Тортилла, агент ФБР Доури Марр, уличные гангстеры Алиса и Базилио, Буратино и Мальвина уходят за волшебную Дверь, которая закрывается намертво и откроется, по-видимому, только тогда, когда на планете умрет последний человек существующего вида.

Мир, описанный в повести Верова и Минакова – воплощенный ад. И исход Буратино и Мальвины за волшебную Дверь – событие, противоположное по своему знаку исходу Адама и Евы из Рая. Впрочем, христианские мотивы все чаще встречаются в творчестве современных российских писателей (Елена Хаецкая, Дмитрий Володихин, Ярослав Веров, Наталья Иртенина).

Не прошли мимо идеи трансгуманизма и представители жанра киберпанк с его имплантами, киборгизацией человеческого организма и загрузкой сознания в память компьютера. В произведениях известного писателя Александра Тюриня развиваются концепции взаимодействия человека и общества с компьютерными системами, рассматриваются проблемы сращения человеческого сознания с искусственным разумом, а человеческого тела – с нанороботами (серии «Козырной валет империи», «Сверхнедочеловек», «Отечественная война 2012 года», «Откровенный русский киберпанк»). Но в последней повести «Байки старпома Корнева», опубликованной в сборнике

«Русская Арктика 2050» [16; 218-251], главной сюжетнообразующей идеей становится генетический эксперимент по преобразованию человека. Главный герой, от имени которого ведется повествование, старпом Корнев становится пленником транснациональной корпорации и объектом эксперимента по активизации «спящего» генетического материала. Он превращается в генномодифицированного боевого пловца, и только активированные вместе со «спящим» генетическим материалом телепатические способности позволили ему победить новоявленных западных «хозяев».

Не прошла мимо темы взаимоотношения людей с модифицированными организмами талантливая белорусская писательница Ольга Громыко, автор цикла «Космобиолухи», в рамках которого опубликовано уже четыре романа. Одной из сквозных тем цикла является проблема взаимоотношения людей с «прибывшимся» к экипажу «Космического мозгоеда» киборгом модели DEX. Киборг Дэн оказывается надёжным и отважным товарищем, много раз выручавшим свой экипаж из беды. И люди с «Космического мозгоеда», в свою очередь, начинают относиться к нему с симпатией и приязнью: подумаешь, создан с помощью клонирования, подумаешь, имеет встроенные импланты и компьютерный процессор. Главное – человек хороший. Хотя притирка друг к другу людей и киборга в первых двух романах серии – «Космобиолухи» (2011) [9] и «Космоэколухи» (2012) [10] – про-

исходит отнюдь не безболезненно. Со стороны киборга. Сначала он, пытаясь сохранить инкогнито, активно идет на сближение со всеми членами экипажа, потом, когда инкогнито сохранить не удастся, отгораживается от людей, затворяется в скорлупу послушного слуги. И только совместными усилиями остальных членов «Космического мозгоеда» прежние отношения удастся восстановить. Вывод: люди и кибернетические организмы могут сосуществовать как равные и симпатизировать друг другу. На новом, компьютерно-кибернетическом уровне, актуализируется этическая проблематика, артикулированная через парадигмальную фигуру Другого (Э. Левинас): являясь «квази-лицом», экран современных инфокоммуникационных средств позволяет создавать их образ как технологического «квази-друга» [23].

Таким образом, прямо на наших глазах в научной фантастике происходит возвращение одной старой идеи о возможности (и желательности) изменения человеческого существа в желательную для него (или в необходимую для владельцев технологии) сторону.

Представляется, что фантастика в целом адекватно отражает генеративную ситуацию современного трансгуманизма и системообразующую роль инфокоммуникационно-телекоммуникационных технологий в процессе его развития.

Воздействие современных high-tech и high-hum может не быть однозначно позитивным и вызывает ряд ранее не возникавших проблем, связанных с по-

тенциальной возможностью управления через глобальную сеть психическими процессами индивидов с живлёнными в мозг наночипами и иными наноструктурами, моделирования субъективной психической реальности с помощью влияния искусственных структур.

Как следствие эволюции социума в направлении становления глобальной социотехнической системой возникает следующая ситуация: если раньше мир жил в условиях преобладания реального пространства над информационным, то сегодня зачастую возникает зависимость обратного рода – пространство информационное доминирует над пространством реальным.

Человечество в целом можно рассматривать как сложную, саморазвивающуюся и самовосстанавливающуюся систему. Нормальное существование и развитие подобной системы возможно в том случае, если она успешно балансирует на грани порядка и хаоса. Избыток как хаоса, так и порядка, может привести к гибели системы в целом. Порядок обеспечивает стабильность, управляемость системы в привычных условиях, но препятствует ее приспособлению к постоянно изменяющемуся миру. Хаос, в свою очередь, обеспечивает потенциал развития за счет генерирования разнообразия входящих в систему элементов и их перманентной перетасовки, но создает определенные неудобства для нормальной жизни индивида. Что же касается всего человечества в целом, то залогом его развития является разнообразие входящих в

него народов (этносов), каждый из которых имеет свои уникальные, только ему присущие стереотипы поведения. Сейчас же, впервые в человеческой истории, в результате глобальной информатизации появляется потенциальная возможность унификации стереотипов поведения людей в глобальном масштабе. То есть речь идет о фатальном упрощении системы. Как следствие, человечество может утратить потенциал развития.

Глобальная информатизация всех сфер жизни общества не повышает, а понижает степень его безопасности, продуцирует появление новых факторов риска. Ускорение научно-технического прогресса увеличивает вероятность применения в качестве средств поражения сугубо мирных технологий, причем возможность «двойного» их использования зачастую не только не предусматривается, но и не осознается создателями технологии. Десятилетия назад в фантастическом романе «Хищные вещи века» устами главного героя данную ситуацию описали А.Н. и Б.Н. Стругацкие: «... в наше время буквально ежемесячно появляется масса технических новинок самого мирного назначения и с самыми неожиданными побочными свойствами, и свойства эти часто бывают таковы, что нарушения закона о запрещении производства оружия и боеприпасов становятся просто бессмысленными».

Возвращаясь к проблеме трансгуманизма: да здравствует КОМКОН-2?!

Литература

1. Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 8 т. Т.1. М.: «Молодая гвардия», 1963.
2. Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 8 т. Т.3. М.: «Молодая гвардия», 1963.
3. Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 8 т. Т.7. М.: «Молодая гвардия», 1963.
4. Беляев А.Р. Собрание сочинений: в 8 т. Т.8. М.: «Молодая гвардия», 1963.
5. Булгаков М.А. Собачье сердце. Ханский огонь. М.: Современник, 1988.
6. Веров Я., Минаков И. Операция «Вирус». М.: Снежный ком, Вече. 2010. С.179-234.
7. Гуларян А.Б. Его звали «советским Жюль Верном» // Настоящая фантастика-2011. Антология. М.: Эксмо, 2011. С.758-772.
8. Гумилев Л.Н. Может ли произведение изящной словесности быть историческим источником? // Русская литература. 1972. № 1. С. 73–82.
9. Громько О.Н., Уланов А.А. Космобиолухи. М.; Альфа-книга, 2011. – 443 с.
10. Громько О.Н. Космозколухи. М.: Альфа-книга, 2012. – 440 с.
11. Днепров А.П. Формула бессмертия. М.: Молодая гвардия, 1963. – 160 с.
12. Клот Л. Сергей Воронов: между Фаустом и Франкенштейном // Наша газета. 2012. 15 февр.

13. Леонтьев Я. Фартовый корнет Фортунатов. // Родина. 2006. № 7. С.75-78.
14. Лукьяненко С.В. Геном. М.: АСТ, 1999. – 448 с.
15. Россиянов К.О. Опасные связи: И.И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами / Константин Россиянов // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 1.
16. Русская Арктика 2050. Сборник / Сост. Сергей Чекмаев. М.: АСТ. 2015.
17. Сочинения Платона. Ч. 3. Политика, или Государство. СПб., 1863.
18. Уэллс Г. Избранные произведения. Л.: Лен-издат, 1979.
19. Уэллс Г. Первые люди на Луне. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1959. – 183 с.
20. Филиппо П.Д. Рибофанк. М.: АСТ, Люкс. 2005. – 320 с.
21. Фортунатов Б.К. Остров гориллоидов. (Малая библиотека приключений). М.: Терра-Книжный клуб, СПб: Северо-Запад. 2009. – 256 с.
22. Электронный ресурс URL: <http://www.gastroportal.ru/php/content.php?id=106639> (вход свободный, последнее посещение 23 марта 2016 г.)
23. Galit Wellner The Quasi-Face of the Cell Phone: Rethinking Alterity and Screens // Human Studies. A Journal for Philosophy and the Social Sciences. – Volume 37, Issue 3, September 2014. P. 299-316.